

18+

ГАЛИНА
САМСОНОВА

И ЖИЗНЬ ЗОВЁМ...

Галина Самсонова

И жизнь зовём...

«Издательские решения»

Самсонова Г.

И жизнь зовём... / Г. Самсонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532699-7

Как интересны судьбы людей... Всё, что происходит с нами, зависит от...? От добра и спокойствия в нашей душе и веры в счастье? Или от другого человека и создаваемого им мира вокруг нас?

ISBN 978-5-00-532699-7

© Самсонова Г.
© Издательские решения

Содержание

И ЖИЗНЬ ЗОВЁМ ВОЛШЕБНЫМ СНОВИДЕНЬЕМ...	6
ПАОЛО	6
ДАРЬЯ	11
ГЖЕСЬ	15
ПАОЛО	19
ГЖЕСЬ	21
НИЦЦА	22
1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

И жизнь зовём...

Галина Самсонова

© Галина Самсонова, 2021

ISBN 978-5-0053-2699-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И ЖИЗНЬ ЗОВЁМ ВОЛШЕБНЫМ СНОВИДЕНЬЕМ...

ПАОЛО

– Паоло, что с тобой? Ты меня слышишь?...

Я открыл глаза.

– Марк, ты вернулся! Сажу и пытаюсь решить задачу, которую ты мне поставил. Но слишком разные исходные позиции у наших сторон. Голова болит третий день, Марк...

– Что, наши девушки утомили? Или немного перепил, пока меня не было рядом?

– Я ночами работал, друг мой, пока ты прохлаждался! Домой хочется поскорее.

– Ну, Паоло... менять тёплый Милан на холодную Москву!... Живи здесь, пока не позвали обратно! Гуляй, сколько захочешь, сходи куда-нибудь. Что ты упёрся в свою идею? Не получается – и не упрямясь! Надо оторваться от работы, и результат придёт сам собой. Развейся в музее науки! Я как увижу там проекты Леонардо, начинаю думать, что бы такое он изобрёл, живя в нашем веке – такое можно нафантазировать!

– Был везде, даже в опере...

– Поехали в Порто Вальтравалля – красиво! А хочешь, я отправлю тебя на денёк в горы? У меня там дом. Спи, дыши горным воздухом.

– Отлично, Марк. Спасибо за предложение. Поеду в горы – города надоели.

Дорога в горы заняла три часа. Я родился и провёл детство и юность в горах. Странное дело, живя там, скучал по лесам и равнинам, а переехав в центр России, отпуск предпочитал проводить в горах. Увидев впервые Альпы, влюбился в них. Это особенные горы. Создатель не зря потрудились над ними – они совершенны в своей красоте. Люди потом воплотили эту устремлённость ввысь и завершённость форм в архитектуре соборов Европы.

Окна увитого плющом каменного дома были закрыты ставнями. Я удивился этому, но когда вошёл внутрь, понял, что здесь сохраняют стиль деревенского дома. И, что удивительно, не было характерного запаха старых вещей. Найдя спальную комнату, я улёгся на кровать и провалился в сладкий сон.

Проснулся от холода – окно было открыто, а за окном в тумане замерли огромные ели.захотелось прогуляться. Дом Марка был последним на улице. Дорога уходила дальше вниз, и подумалось, что недалеко есть река. Но вскоре дорога запетляла наверх, туман не рассеивался, я замёрз и решил повернуть назад. И неожиданно для меня зазвучал орган. За поворотом открылся замечательный вид – небольшая церковь прилепилась на крохотном уступе горы. Меня поразило мастерство зодчих, ибо невозможно представить, как тут смогли построить храм. Внутри было пусто и сумеречно. Я присел на скамью, а в окно вдруг пробился солнечный луч. И в этом луче заплясал шмель, он поднимался по лучу к оконцу, и опускался вниз ко мне. Как маленький шалунишка на горках. А может, просто звуки органа, собиравшиеся под куполом, давили на него, и он падал вниз, не дотянувшись до солнца. Мелодия была прелестна – она была нежной и страстной одновременно. И подумалось почему-то, что эта мелодия предназначена не Господу. Мне захотелось увидеть органиста, я подошёл к лестнице и взгляд остановился на замечательном поручне в виде змейки. Такие же перила я видел в соборе святого Стефана в Вене. Взявшись за поручень, ощутил под рукой дрожь – змея была настоящей. Наверное, музыка была колдовской, ибо страха не было ни у меня, ни у неё. Она подняла голову и опять опустила её. На органе играл молодой человек, а рядом на полу, прислонившись к его колену, сидела девушка. И такое было в этой паре единение и отрешённость от мира вокруг, что я отступил назад, спустился по лестнице и ушёл. Странное чувство появи-

лось у меня – я как будто был в другом измерении. Музыка совсем недолго звучала и внезапно пропала. Но я был напоён этой мелодией, каждой клеточкой тела ощущал прохладный воздух, запахи леса заполнили меня. Я не выдержал этого избытка природы и, войдя в дом, без сил упал на кровать. Мне хотелось спать, спать, но какая-то тревога держала меня в полудрёме ещё некоторое время. Наконец я уснул, и мне снился шмель, и гудел он каким-то странным дребезжащим звуком, но это просто рядом трезвонил старый телефонный аппарат. А я подумал, что это просто для антуража.

– Пауло, ты гулял? Я полчаса звоню. Ты, забыл свой мобильный.

– Сплю.

– Прости, но я вернул за тобой машину. Тебя зовут на родину согласовывать какие-то вопросы по другому проекту. Дозвониться, как понимаешь, до гор они не смогли, и мне пришлось дать согласие за тебя. Билет я забронировал, вечером у нас прощание.

В машине я вспомнил этих ребят в церкви. Что их туда привело? Почему так печальны были их лица? Глаза девушки были закрыты, но каждая чёрта её лица остались в моей памяти.

Выйдя из машины за несколько кварталов от гостиницы, я решил попрощаться с городом. Гулять по городам в другой стране сплошное удовольствие – можно не прислушиваться к чужому языку и только смотреть на здания, лица, деревья. А потом дома, совсем невзначай, вспомнить какую-то деталь, которая отзовется в тебе неожиданным теплом.

Прощаясь в Мальпенсе с Марком, я решил спросить, когда построили церковь в его деревне.

– Пауло, в моей деревне нет церкви.

– Ты что, Марк?.. Забыл, наверное, безбожник. Там и орган прекрасный.

– Пауло, там никогда не было храма с органом. Тебе всё это приснилось, дружище. Постарайся отдохнуть дома, умоляю.

Я промолчал, не поверив ему. Я верил себе, я не мог так обмануться сном...

У стойки регистрации огорчению моему не было предела, ибо рейс задерживался на неопределенное время. Только теперь я увидел, что людей гораздо больше, чем обычно в нормально функционирующих аэропортах Европы даже летом. Ну, что ж случай предоставил возможность познакомиться поближе с красивейшим аэропортом. Но после нескольких часов блужданий по комплексу и полной неразберихе в информации, во мне опять стало нарастать раздражение, мой верный предвестник головной боли. Присев на пол у стойки, прислушался к разговору соотечественников. Оказывается, какой-то природный катаклизм умирил железных птиц, и люди теперь искали наземные пути домой. Принимать хоть какое-то участие в разговоре не хотелось. Рядом со мной пристроилась дама. Глаза мои были закрыты, но запах женского парфюма определил пол соседа по несчастью. Она потрясла меня за плечо,

– Вам плохо? Почему вы стонете?

А мне показалось, что я скулил молча.

– Надо думать, как выбираться, а не хочется, – ответил я, не открывая глаз.

– Не хочется выбираться или думать не хочется?

– А всё не хочется.

– Простите, что побеспокоила, – тихо сказала она.

Я не ответил. Телефон Марка не отвечал. Денег на карточке для путешествий по Европе не было. Перспектива ночных и дневных бдений в аэропорту меня ужасала – был такой опыт в студенческие

годы, когда мы возвращались после практики в Сибири. Трое суток в иркутском аэропорту. До сих пор дрожь берёт от этих воспоминаний. Запел мобильник.

– Пал Сергеевич, мы знаем про ситуацию в аэропортах и перевели на вашу карточку зарплату за два месяца вперёд. Как настроение, мы тут все испереживались за бедных команди-

ровочных и туристов. У меня подруга не может вылететь из Амстердама. А у нас тепло, просто красота. Проектов много приняли в заказ, —

я не прерывал монолог секретаря моего начальника, зная по опыту, что Анечку прерывать бесполезно.

– Спасибо за заботу, Анна. Теперь буду решать проблему. Если сейчас определюсь с передвижением или гостиницей, я вам перезвоню. Привет всем.

Настроение с появлением денежных ресурсов улучшилось.

– С гостиницами можно не суетиться, бесполезно, – моя соседка, очевидно, прислушивалась к разговору.

– А что будем делать? – спросил я, продолжая сидеть с закрытыми глазами.

– Можно добраться до Дуная и паромом до юга, можно до Венеции, а потом паромом до Словении и там что-то придумывать, можно.... Она замолчала.

– Какая вы молодец. А я вот не мог ничего придумать, пока финансы пели романсы, спасибо коллегам, позаботились.

Моя соседка молчала. Открыв глаза, я обнаружил, что рядом никого нет. Боже, опять галлюцинации, что ли.

Я продолжал сидеть на полу и рассматривать это хаотичное движение масс. Наверное, где-то там, в атмосфере, движение гораздо более организовано. А здесь хаос...

В природе всё спланировано, а мы пытаемся только создать что-то у себя, в своём мире. И кто нарушает наши планы?

Мы сами, своим снобизмом, раздражаем природу и всевышнего, или это неразделимо и природа и есть всевышний? Я поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Что предпринять? С кем-то знакомиться и дальше решать совместно нашу проблему? Оглянувшись, определил группы людей, к которым можно приблизиться и, послушав их речи, либо присоединиться к ним, либо дальше искать единомышленников. Взяв чемодан, сделал несколько шагов, остановился и оглянулся – там, где я сидел, остался чемоданчик, розовенький, явно принадлежавший даме. Значит, рядом со мной и правда была женщина. И ушла она, явно надеясь, что оставила чемоданчик под защитой. Я оглянулся ещё раз и увидел, что мне машут рукой. Явно мне, хотя вокруг было совсем не пусто. Это была моя соседка, потому что она рукой показала на чемоданчик и жестом попросила меня остаться на месте. Слава богу, у меня нет галлюцинаций, и хорошо, что не один решаю проблему. Я с интересом смотрел на женщину, которая направилась ко мне. Хорошая фигурка, грациозная походка, классический рост. Так.... А как мы поближе? Она улыбалась, и её лицо мне было знакомо.... Но кто она? Это лицо не из прошлой моей жизни, это где-то рядом, совсем недавно. Но вспомнить не мог.

– Там ребята хотят нанять микроавтобус и ехать либо в Вену, либо в Словению, – сказала она, – присоединимся?

– С вами запросто.

– И с вами тоже, – улыбнулась она.

Я внимательно посмотрел на даму. Откуда так знакомо это лицо....

– Меня зовут Дарья, – протянула она руку.

– Павел.

– Сдаём билеты?

– Сдаём! А ребят вы знаете?

– Что вы, совсем нет.

– Не боитесь?

– А чего? – засмеялась она, – не думаю, что они заказали проблему в природе, чтобы потом заманивать и грабить туристов.

– А вы в турпоездке?

– Нет, по личным делам. А вы?

– Работаю.

– На хозяйина ламборгини цвета спелого абрикоса?

– Вот откуда вы меня ведёте! Гадаю, чем привлѣк к себе такую даму, а оказывается, чисто меркантильный интерес. С Марком мы сотрудничаем. Оба трудимся в государственных корпорациях. Но машина у него личная.

– А я просто обожаю этот цвет и всегда обращаю внимание и на обладателей вещей этого цвета.

Несмотря на активный позитив, в моей незнакомке была какая-то затаѣнная грусть. Иногда её взгляд на мгновение становился отрешѣнным, хотя она продолжала говорить или слушать меня, не теряя нить разговора. Меня всегда поражала эта способность женщин одновременно делать несколько дел и при этом сохранять логику и последовательность во всех направлениях. Мне это было недоступно, и я долго комплексовал по этому поводу, а потом узнал об особенностях мужского и женского мышления и перестал расстраиваться – в конкретном вопросе мы мыслим глубже. Так утверждают психологи.

Позвонил Марк и отговорил нас от автомобильной поездки, сообщив, что эта европейская проблема отмены полѣтов разрешится в течение двух-трѣх дней и нечего, и мы отправились в маленькую гостиницу в пригороде, о которой знал Марк, и не знали вездесущие туристы, и где можно было провести маленькие каникулы.

Суэта последних дней, постоянное изменение ситуации плохо сказались на моём настроении и самочувствии. Я лежал в маленькой комнате на почти удобной кровати и пытался уговорить головную боль уйти погулять куда-нибудь от меня подальше. Тихо постучали в дверь и, не дождавшись от меня ответа, кто-то вошёл в номер.

– Это вы, Даша? – спросил я, уловив знакомый запах духов.

– Пойдѣте ужинать?

– Не могу, голова болит.

– Я вам сейчас принесу одну вещь, попробуем спасти вас.

Вокруг горла закрепили какой-то воротник, он вытянул мою шею, как-то распрямились плечи, и боль потихоньку ушла.

– Вы волшебница, Дарья.

– Нет, только учусь. Мне он помогает.

Мы вышли из прохлады каменного дома в напоѣнную теплом сумеречную улицу. Где-то загорались фонари, подвешенные у крыльца дома или у входа в магазин. А некоторые улочки оставались тѣмными и от этого казались таинственными, но мы и туда заходили без страха. И большие и маленькие города на юге, в любой стране имеют общее свойство быть очень домашними в вечерние часы – открыты окна домов, доносится запах готовящейся еды, слышны разговоры. Совсем немного людей встретилось нам на улицах. Наверное, молодые не успели вернуться из города, а старики уже усаживались перед телевизорами. Свернув в очередной раз, мы оказались перед небольшим ресторанчиком с выносными столиками под навесом, на другой стороне улицы стоял двухэтажный дом с освещѣнными окнами. Моя спутница внезапно остановилась, я оглянулся на неё и меня поразили её широко открытые глаза.

– Боже! – прошептала она.

– ?

– Давайте поужинаем в этом ресторане. Мне так хочется посидеть здесь.

Она молчала за ужином, только постоянно оглядывалась, что-то рассматривала. Мне показалось, что она пытается запомнить это место, впитать в себя окружающее не только глазами – её ноздри подрагивали, но она вдыхала не запах еды или деревьев, которые, утомив-

шись после жаркого дня, отдавали свой неповторимый аромат. Мне показалось, что она вдыхает запах времени.

– Вы знаете, – сказала она на обратном пути, – я так благодарна судьбе, что встретила вас, что мы приехали сюда, что сегодня я увидела живую, что ли, мою любимую картину Коровина. Мне всегда становится тепло, когда вспоминаю её. А тут просто подарок какой-то.

– Спасибо Марку. А что за картина?

– Да, конечно. Улица в Виши, – ответила она рассеянно.

– Что?

– Картина так называется.

Я пытался воскресить в памяти произведения этого художника, но кроме «Испанок на балконе» ничего не вспомнил. Я оглянулся, чтобы запомнить это место. Действительно, уютно и тепло. Особенно после ужина.

Мы шли рядом, мы были вместе уже несколько часов – но это была только видимость общего. У каждого свой мир и своё прошлое, которое осталось в памяти и которое изменило мир вокруг нас.

Не сами ль мы своим воображением
Жизнь создаём, к бессмертию идя...

И в ответ на моё воображение природа ответила – заморосил дождь. Но мы успели дойти до гостиницы и уселись на открытой веранде. Капли дождя тихо переговаривались с листьями деревьев и кустарника, чудесно запахло влажной пылью.

– Вас не огорчит, если я закурю, – спросила Дарья, – вы так наслаждаетесь этим вечером.

– А как вы поняли это?

– На лице всё написано.

Да, видно не только я наблюдаю, но и моя знакомая незнакомка.

– Ведите себя как вам удобно.

– Спасибо.

Я задремал. На границе сна и яви, мне явился лик этой девушки из храма на горе, но я смотрел на женщину в кресле рядом со мной. Её волосы сливались с темнотой, и только лицо, на которое падал слабый свет фонаря, было юным и таким же грустным, как лицо той девушки.

Марк, что же за храм был на той горе? Я не сомневался в этом. Как не сомневался и в том, что моя знакомая оттуда, из этого храма.

ДАРЬЯ

Мы с моим попутчиком, посланным мне Господом (где бы я сейчас была с моим настроением), сидели на веранде гостиницы. Плетёные кресла, деревянная обшивка стен отдавали дневное тепло, а в открытые окна лился прохладный от дождя воздух...

Похоже, он задремал. Такая поза бывает только у заснувших людей. Из моих глаз бежали и бежали слёзы, и я не могла никак их остановить.

Как странно было всё это – в начале наших отношений с Гжесем мы оказались в Питере. Была осень. Мы промокли, замёрзли и решили зайти в Русский музей.

Увидев эту картину Коровина, я неожиданно остановилась перед ней – таким уютом и теплом повеяло от неё, что уходить не хотелось. Гжесь всё тянул меня от неё, а потом пообещал, что мы обязательно найдём эту улицу, когда поедем в Виши.

– Да как же мы найдём её, Гжесь, ведь это написано в начале века! – Мы всё равно её найдём! – сказал он уверенно.

Прошло столько лет, и я нашла её, Гжесь. Но не в Виши, и без тебя.

И зачем я заставила себя остановиться в этом месте, сидеть за столиком и чего-то ждать. Ждать твоей реплики, твоего прикосновения. Что же сделала с нами жизнь... Или мы сами виноваты... Что мы сделали не так?

Виноваты, что были так счастливы и не замечали ничего вокруг себя – ни людей, ни государств, живущих в пошлости политики, условности кем-то установленных границ и правил поведения в обществе, придуманных в национальных квартирах.

Зачем вы всё это придумали, люди?.. Или тот объём счастья, что довелось нам испытать в общении друг с другом, был послан нам на всю жизнь, а мы выпили его за один год? И этим опустошили свою будущую жизнь...

Наша школьная вечеринка подходила к концу. Обычная вечеринка в квартире с родителями в соседней комнате. Мы танцевали, пели. Доедая печенье и торты, заботливо приготовленные мамой Артура, обсуждали полужёпотом, как мы позвоним в дверь завуча нашей школы, квартира которой была этажом ниже и куда после этой проделки побежим. Все уже поделились своими планами на будущее – это был последний школьный год. Нас огорчил неожиданный приезд к родителям Артура их друзей из Еревана – мы поняли, что вечеринку пора заканчивать. Но зато к нам в компанию добавился молодой человек.

– Ерванд, как зовёт папа или Эрви, как зовёт мама, – представился он.

Он был старше нас, уже учился в консерватории.

Они привезли с собой в подарок репродукции музеев Парижа и нам сразу же разрешили листать эти фолианты. Мы уселись с Эрви на диване и, поскольку любителей импрессионистов кроме нас не оказалось, с удовольствием смотрели репродукции и обсуждали увиденное. Меня поразили его обширные знания. Он прекрасно ориентировался и в изобразительном искусстве, и в музыке, и не только классической.

У нас во многом оказались одинаковые интересы. Как благодатна юность, когда ты впитываешь в себя абсолютно всё новое, которое потом странным образом кристаллизуется в определённые знания, и ты оказываешься несказанно рад, встретив единомышленника. И как могло сложиться это единство интересов у нас, живших в абсолютно разных социальных средах, принадлежавших к разным этническим группам? Или человечество в своей истории едино, несмотря на государственные границы, и это единство понятно в изображении и звуках?...

Через несколько недель Артур передал мне записку от Эрви-Ерванда, как он подписал её. Он приглашал меня в музыкальное училище на концерт, в котором он участвовал. И меня опять поразило наша общность интересов – он играл отрывки из фортепианного кон-

црта Грига, которым я восхищалась в то время. Потом мы гуляли по улицам моего красивого города. Стены домов были выложены из туфа розового, жёлтого, оранжевого цвета, в сочетании с синим небом и зеленью деревьев это давало ощущение красоты и лёгкости, какой-то праздничной фееричности. И удивительная лёгкость в общении с практически незнакомым человеком. Как позже сказал Эрви, наша встреча произошла в пору, когда одиночество юности, нужное для выращивания своей индивидуальности, должно было перейти в новую фазу обмена этими индивидуальностями, которое так необходимо молодым людям. Я долго хохотала над этой фразой, обозвав его философствующим музыкантом.

Эрви решил позвонить домой матери. Разговор был на французском языке. Я отошла, чтобы не мешать.

– Ты не подумай, что мне надо было что-то скрыть от тебя. Моя мама плохо говорит на армянском языке, практически не знает русского. Мы ведь новоприезжие, хотя и живём здесь уже больше десяти лет.

Эрви рассказал мне историю своей семьи. Это история боли армянского народа, которая длится уже больше века. В начале двадцатого столетия, после резни армян, проживавших в Османской империи, сотни тысяч их разбрелись по всему миру. Дед Артура был ювелиром и его успел предупредить друг-турок. Дедушка собрал свои и не свои драгоценности, и в числе первых вместе с молодой женой попал на борт французских кораблей, стоявших в порту Самсуна. Он обосновался в Марселе, открыл своё дело. Там и родился отец Эрви, которого воспитали в традициях армянских предков. Только вот пошёл он не по стопам мастеровых армян, а стал историком, влюблённым в свою профессию, заинтересовавшимся историей народа, живущего так далеко от Франции. Народа гордого и не смирившегося. Женился он на француженке, которую и привёз вместе с сыном в Ереван по программе репатриации армян.

– Вот так у меня два дома – здесь и во Франции, – завершил свой рассказ Эрви.

– Кто же ты всё-таки?

– А я сам не знаю. Всякий разный. Здесь у нас нет родственников, все остались когда-то в Турции. А в Гренобле у меня бабушка, дяди в Марселе. А мама так и не привыкла. Давно бы уехала, только папу очень любит. И меня. Папа работает в хранилище древних рукописей Матенадаране, а мама преподаёт французский язык в школе и ещё посылает фотографии в разные издательства.

А потом мы встретились уже в Москве, где я начала учиться, а он приезжал на консультации в консерваторию. Как же мы были счастливы и самоуверенны тогда! Жизнь представлялась нам Олимпом, на который мы собирались взгромоздиться. И ничто не казалось нам непреодолимым. Но как-то подсознательно не афишировали наши отношения – берегли это единение от вторжения того мира, что нам пока не был знаком. Наверное, судьба баловала нас в это время чистых и честных отношений друг с другом. В Ленинграде, куда мы поехали осенью, у Эрви была встреча с молодыми исполнителями из Польши, Германии, Финляндии. После концерта, мы сидели в ресторане с ребятами из Польши. Они окрестили нас Гжесем и Досей. Гжесем он и остался для меня на всё жизнь. А меня стал звать Долькой. Мне было легко в этой интернациональной компании. И много раз после, я удивлялась особой атмосфере, царившей в кругу людей творческих профессий, людей, работа которых не требовала посредников-переводчиков. Язык красок, нот, язык скульптуры и архитектуры, танца не требует переводчика. Красота природы тоже одинаково восхищает всех людей. Наверное, поэтому нам так нравится путешествовать, бродить по музеям. Проводив друзей на посадку, мы медленно шли по залу аэропорта.

– Полетим в Крым? Там сейчас мой профессор отдыхает. У него свой дом и он приглашал меня.

Мне было грустно и не хотелось окончания праздника.

– Когда?

– А вот прямо сейчас купим билеты и улетим.

Дом оказался пуст – вся семья уехала в Москву, как пояснил нам сосед, и закрыл ворота. Мы, огорчённые и растерянные, уселись на тёплую землю перед калиткой. Солнце пробивалось сквозь листву деревьев, изумительно пахли розы в саду усадьбы, было так покойно и умиротворённо в природе, что огорчение потихоньку покинуло нас, и мы стали думать, как выбраться отсюда.

– Долечка, не расстраивайся, на обратные билеты деньги есть.

– Гжесь, с тобой я ничего не боюсь. Расскажи, как ты стал заниматься музыкой.

– Это мама. Она привезла меня к своим друзьям, когда мне было три года, и Ги сразу определил, что у меня идеальный слух, и я стал заниматься музыкой, вернее, со мной стали заниматься музыкой.

– А Ги это кто?

– Ги Беар. Очень известный у нас певец.

– У вас во Франции?

Подошёл сосед и что-то сказал Гжесю.

– Ура, Доська! Мы спасены! Звонил Георгий Николаевич и велел нас впустить!..

Вечером я гуляла в саду, где было огромное количество розовых кустов самых разных сортов, а Гжесь открыл окна в зале и играл на рояле. Солнце уже скрылось за морем, запах цветов усилился, а музыка звучала тише и тише, словно пианиста покидали силы вместе с уходящим солнцем. Какие-то новые ощущения наполнили меня как предчувствие грядущих перемен. Я знала, что сегодня что-то изменится в моей жизни, знала и не боялась. Наша духовная близость, должна была перейти в близость и физическую. И я понимала, что эта поездка и эта усадьба были давно придуманы Гжесем....

– Долечка, девочка моя, как мне хорошо с тобой!

– Гжесик, Гжеся...

Весь год после поездки был разделён на два времени – когда мы были вместе и когда мы были в разных городах. Наша учёба не давала нам возможность часто встречаться. Но он приезжал на консультации в консерваторию. В один из приездов он познакомил меня со своим преподавателем Георгием Николаевичем, который и стал нашим общим родителем и ангелом-хранителем. Ему, прожившему большую жизнь, очень хотелось помочь нам, молодым и неопытным ребятам, пытающимся построить свою жизнь в этом сложном и противоречивом мире. Я, после нескольких попыток рассказать матери о своем новом друге, оставила эту идею. Мои родители, работавшие в достаточно специфичной и закрытой организации, были далеки, как сказала бы мама, от мира космополитов. И я поняла, что мне надо самой хранить мой мир, мою любовь. И в семье Гжеся не всё было просто. Матери Гжеся, с её вековой ментальностью и культурой француженки было очень тяжело в достаточно архаичном мире другого государства и другой нации. Только огромная любовь к мужу и сыну держала её в Армении. И я понимала, что Гжесю тоже сложно говорить матери о другой женщине в его жизни. Мы старались не обсуждать проблему внутрисемейных отношений с родителями, но нам обоим это давалось нелегко. И как же нужна была помощь взрослых и мудрых людей нам, оказавшимся так непонятыми своими родными. Очень ненавязчиво и тактично мы получали эту помощь от Георгия Николаевича. Ему очень нравился Гжесь, его игра. И он как-то сказал мне, что наши отношения сделали игру Гжеся более многогранной и интересной. Игра не мальчика, но мужа, как он однажды выразился. В один из вечеров он спросил Гжеся:

– А ты крещён?

– Да, – удивлённо ответил он.

– А где крестили?

– Мы с папой были в монастыре в Карабахе. Там потрясающе красивое место. Там и крестили.

– Значит, ты крещён в григорианской вере. А ты про себя что знаешь? – обратился он ко мне.

– Знаю всё. Крестили в три года, в какой-то деревне, когда была в гостях у бабушки. А зачем вам это?

– Я хочу, чтобы вы повенчались.

– Зачем?

– Ребята, я верующий человек. Вы оба пока далеки от этой стороны нашей истории и культуры – просто так сложилось в нашей стране. Я уверен в том, что вы дарованы друг другу судьбой, что вам надо быть вместе. Но я догадываюсь, что что-то не складывается у вас с вашими родными. А мне хочется, чтобы ваш союз был храним Богом, и чтобы вы всегда помнили об этом.

Венчали нас зимой, в прекрасный солнечный день в храме Петра и Павла. Наверное, не всё мы понимали тогда, но нам хотелось, чтобы наши отношения были приняты тем, кто был выше нас, что было пока ещё непонятно нам, но что генетически было присуще всем. Какое-то чувство уверенности и определённости появилось у меня после этого ритуала.

– Доличка, у тебя даже походка изменилась.

– Гжесик, у меня такая тяжесть свалилась с плеч!

Но как коротко было то время! После тяжёлой поездки в Ереван к родителям Гжеся, буквально через месяц, меня остановил в коридоре института молодой человек. Он попросил меня зайти вместе с ним в одну из аудиторий и предъявил удостоверение органов госбезопасности. Он показал корочку и спросил, знакомо ли мне это.

– Нет.

– Неужели ваши родители никогда вам не показывали?

– Даже не рассказывали.

Ну что же, тогда поговорим мы с вами. Вам придётся прекратить отношения с семьёй Стамболцян. Если вы прислушаетесь к моему дружескому совету, всё будет нормально.

– А если нет?

– Вы даже не представляете, под какой удар вы поставите своих родных.

Теперь я знаю, что ждало мою семью, послушайся я тогда. Но и то, что случилось сразу же после разговора, показало мне всю серьёзность предупреждения. Родители были вынуждены уйти на работу в гражданские организации, а брат, готовившийся к перемене в карьере, оказался почти без работы. Чувство вины перед ними долго мучило меня. А потом, когда проходили годы моей безрадостной жизни, особенно в новогоднюю ночь, меня иногда посещала мысль, а могла ли бы я пожертвовать ими ради своего счастья? И я не находила ответа.

Наступили перемены в стране и вновь родились надежды на встречу с Гжесем, и мы встречались в его короткие приезды сюда. Но уже появились новые обязательства перед другими людьми и у него и у меня.

Прошло больше двадцати лет после этого, наша жизнь так крутила нас, но мы всегда возвращались друг к другу.

Что же случилось на этот раз? Мы столько преодолели, мы так стремились к этой встрече. Почему же ты не приехал встречать меня, Гжесь... Молчат твои телефоны.

ГЖЕСЬ

Дорога была великолепной. В кабине самолёта ты видишь только соседей и облака, и ты живёшь во время полёта вне времени, оно для тебя остановилось, ибо ничего не меняется вокруг. Проносящиеся в окнах поезда или автомобиля пейзажи заставляют иногда попытаться зацепиться взглядом за какую-то понравившуюся деталь, а она пропадает почти мгновенно, и ты ощущаешь вдруг щемящую тоску от этого бега времени, или тебя охватывает восторг от мелькнувшей красоты. И продолжительность этих ощущений зависит от новых пейзажей или мысли, которая изменит твоё настроение.

Я ехал уже третий час, и дорога пока не утомила меня. Я хотел заехать в свой маленький домик в Гран-Парадизо, куда привезу Долли из Милана. Мы там побудем совсем немного. Я знаю, ей там понравится. Там тихо и красиво, а Долли любит спокойную красоту. А потом мы поедem в Валанс и начнём нашу новую жизнь, и всё будет прекрасно и так, как мы мечтали когда-то в юности.

В нашу первую встречу меня поразила и покорила её открытость и непосредственность и ещё такой интерес к искусству и такие большие знания, которые трудно получить в маленьком, удалённом от столиц городке.

Когда много позже я спросил её, откуда она так много знает, она просто ответила, что из-за особенностей проживания в маленьких городах на юге страны, кочуя из гарнизона в гарнизон, её друзьями и учителями стали книги.

– Я мало времени проводила на улице, ибо не во всех городках можно просто погулять, друзей быстро не заведёшь. И мне гораздо интереснее с книгами – они всегда со мной. Я так хотела играть на пианино, но в одном месте была музыкальная школа, в другом не было, инструмент не стали покупать, ибо, что после переездов от него останется. А мне до сих пор снится, как я играю на рояле. Совсем как ты. Если бы ты знал, как я тебе завидую!

– Ты не похожа на человека, который легко сходится с людьми, но почему ты так легко сразу же стала общаться со мной?

– А ты произвёл на меня впечатление большой книги, – шутливо ответила она, – а у книг я не спрашиваю, нравлюсь ли я им, главное, чтобы они мне были интересны!

Все телефоны я отключил, а в этом мобильнике только её номер и я позвоню ей, как только самолёт из Москвы приземлится в Милане. Я чувствовал, что с моих губ не сходит глупая улыбка, я пытался сделать серьёзное лицо, но ощущение парения не покидало меня. Мы будем сегодня вместе, наконец-то мы всё преодолели, мы победили! А вдруг мы совсем другие? Что дали нам прошедшие годы, или отобрали? Я решил остановиться и откинуть крышу кабриолета. Именно в кабриолете я хотел привезти Долли в Валанс. Надев куртку, я положил на сидение рядом телефон, отстегнул ремень, ибо вряд ли встречу полицейских в этих горах. Бесконечные серпантины утомили меня, и я пожалел, что поддался романтичному желанию. В голове ещё мысли и желания, как в молодые годы, а тело уже не слушается и живёт по своим законам.

Надо привыкать к этому телу и слушать сначала его, а потом уж свои мысли. Я остановил машину в небольшой долине и пошёл прогуляться к реке. Речушка совсем небольшая и неширокая, как Арпачай. Мы с отцом были как-то на развалинах древней столицы Армении Ани, и пограничники разрешили нам пройти к реке, разделяющей Армению и Турцию.

– Папа, ты ненавидишь их? – спросил я, показывая на противоположную сторону.

– Не знаю, как описать моё чувство, сын. Моё отечество не перестало существовать. Я родился в другой стране, встретил там твою маму, и она родила мне чудесного сына, которым я горжусь. Всё так относительно в этом мире.

Неожиданно для себя, я сказал:

– А ты знаешь, я люблю русскую девушку.

– Сынок, первая любовь это всегда прекрасно. Но не торопись и не спутай эту любовь с настоящей.

– Это моя единственная любовь, отец!

– Ерванд, ты так решительно это сказал. Но не поступай так же решительно в отношении этой девушки! Жизнь подскажет тебе. Только учти – если бы мы с мамой были одной нации, нам было бы гораздо легче.

– Ну, вы приехали в другую страну, а мы будем жить здесь.

– Не гадайвай, сын.

Эти слова отца оказались пророческими.

Ранней весной Доличка сказала мне, что она беременна. Глаза её были испуганными, вся она показалась мне как натянутая струна.

– Прекрасно, Доличка! Я так мечтал всегда о брате, а теперь у меня будет сын!

– Гжесь, это так ужасно, я просто не знаю что делать. Мама давно сказала мне, что до окончания института я даже замуж не могу выйти.

– Мы поедem к моей маме, и всё будет отлично.

Я знал, как мама любит меня и был абсолютно уверен, что она также будет любить и Долли и малыша. Мы в первый раз вместе приехали в мой дом.

– А твоя девушка с хорошим вкусом, – сказала мама, когда мы остались вдвоём.

– Мама, это моя жена и мы ждём маленького.

Теперь я понимаю, что мама давно знала о наших отношениях и давно приготовилась ко всяким разговорам. И фраза, которая была произнесена ею, наверное, была прорепетирована, ибо произнесла она её на русском языке и в направлении приоткрытой двери в другую комнату, где была Даша.

– Наша семья уже достаточно интернациональна, чтобы в ней никогда не появилась русская невестка.

Не знаю, чем закончился бы этот разговор, но Даша услышала эту, приготовленную для неё фразу. Она упала, потеряв сознание. Маленького не удалось спасти. И только стараниями отца удалось устроить в хорошую больницу и выходить Долли. Мне тогда показалось, что мама слишком жестоко обошлась с нами.

Вечером, после возвращения из больницы, я сидел за пианино и перебирал клавиши, ни ища мелодии, но видно невесёлые и тревожные мысли вылились в набор таких же звуков, выстроенных в мелодичный ряд, но не приносящий удовлетворения людям, их слушающих. Мама подошла ко мне и положила руки на плечи:

– Прости меня, Эрви. Я отдалилась от тебя в эти годы. Ты повзрослел, и тебе стало интереснее с отцом, но ты всё равно нуждался в женской ласке, как я нуждаюсь в вашем внимании и любви, которой мне тоже не хватает. И с годами мне не хватает всё больше, ибо мне не удаётся найти себя здесь, в этой стране, в этом городе. Здесь всё чужое для меня, я никак не могу понять, что это за страна, почему моё понимание какой-то ситуации здесь не принимается практически во всём – и на бытовом уровне, и в моей работе. Почему мои фото, которые я посылаю во Францию, там печатаются, а здесь я должна ещё и объяснять, что я имела в виду, когда фотографировала старую женщину с внуком на виноградном поле. Для меня это старая и молодая виноградные лозы, а не рабский труд советских крестьян, как будто бы представленный в контексте к фотографии, как мне сказали в редакции этой республиканской газеты, печатающейся на ужасной бумаге.

И твоя связь с этой девушкой... Не стоит строить иллюзий. Мне очень жаль. У тебя хорошее будущее, и ты должен уехать продолжать образование в Европу.

– Да, мама, я буду дальше учиться, и я люблю и буду любить Дашу. Прости и меня, что я раньше не сказал тебе о ней. Но ты поступила сегодня жестоко, решив этой фразой покончить с всякими разговорами.

Потом, окунувшись в эту жизнь сполна, я понял, что она на своём опыте пыталась оградить меня от тех сложностей, что ожидали меня впереди. Вскоре я уехал в Москву готовиться к конкурсу и здесь меня тоже ожидал неприятный сюрприз – Долли стала избегать наших встреч. Сначала я не придавал большого значения этому. У неё сессия, у меня сложно с часами репетиций. Но ведь у любящих людей своя интуиция. Я не понимал, ревновал, переживал. При встрече боялся что-либо спрашивать, ибо глаза её были такими же испуганными, как ранней весной. Я надеялся на лето и отдых вдвоём. Но в июне мои родители, вылетев из Парижа в Марсель на маленьком самолёте, погибли, когда самолёт рухнул прямо в горящий лес. Долли не звонила. Я был один в этом, сразу ставшем для меня чужим, городе. Приходили сослуживцы отца, соседи, но у меня не проходило оцепенение и, только когда кто-то просто влил в меня коньяк, я заплакал. И целую неделю я плакал и пил коньяк, ибо только после опьянения я мог заснуть и этим спас себя от сумасшествия. И ещё Георгий Николаевич, прилетевший ко мне в Ереван, когда я упал в ванной и сломал руку. Вот тут я протрезвел и понял, что у меня нет будущего вообще – нет родных и любимых, нет профессии. Он отвёз меня в Москву и мне сложили мои косточки. Мы составили программу для восстановления. Я не стал выдающимся пианистом, но для жизни и существования в мире музыки этого было достаточно.

Только через месяц перестал гореть лес, и достали то, что осталось от самолёта. Я бросил всё и улетел к бабушке во Францию. Навсегда. Мы не увиделись с Долли перед отъездом, но прощаясь со мной, Георгий Николаевич пообещал найти Дашу. Он выполнил своё обещание и сообщил мне через год, что у неё были большие проблемы в семье из-за меня.

– Но это проблемы государства, Эрви, а не в ней, – сказал мне Георгий Николаевич, – это когда-нибудь закончится, и ты должен будешь решить всё по-мужски – забрать её, или приехать сюда.

Вот и пришло это время, когда я могу забрать Долли к себе.

Наперерез машине из леса выскочил горный козёл. От удара машину закрутило и меня выбросило на склон горы, а автомобиль, увлекая за собой животное, полетел в пропасть. Я лежал среди колючих кустов и даже не делал попыток пошевелиться. Раздался взрыв, а потом запахло, и я понял, что бедное животное упало на машину. Я решил уползти подальше, не поняв, что я на склоне горы, а не пропасти. Через какое-то время силы покинули меня. Очнулся уже на рассвете. Время, проведённое в забытии, восстановило мои душевные и телесные силы. Господь хранил меня, кроме кровотечения из носа и ссадин на руках ничего не беспокоило. Я поднялся и стал спускаться к дороге, услышав звук проезжавшего автомобиля. Голова кружилась и опять пошла кровь из носа. Еле держась на ногах, я шёл по дороге. Появилось солнце из-за гор, но оно только принесло боль глазам. Отрезок дороги был прямым, слышался шум машины позади меня. Я резко обернулся и упал на дорогу, потеряв сознание.

– Что нам делать с ним, – услышал я незнакомую речь и удивился тому, что понял фразу. Да это же русский язык! Откуда здесь, в горах заповедника, русская речь. Открыв глаза, я увидел двух молодых девушек, одна из которых держала у моего лица флакончик с резким запахом.

– Хватит девочки, воняет жутко!

– Боже, вы кто, соотечественник?

– Давнишний! Девушки, я попал в аварию, моя машина упала в пропасть, я пролежал, не знаю сколько, и мне срочно нужно в Милан встретить в аэропорту человека.

Моих сил хватило только на эту фразу, я опять потерял сознание.

Очнулся от того, что на лицо лилась вода.

– Отлично, а теперь мы вас напоим чаем. Вам много надо пить – вы, видимо, много потеряли крови, от этого слабость. Мы вас довезём до какой-нибудь ближайшей гостиницы, и там придёте в себя. У вас есть телефон, чтобы позвонить кому-то о вас?

– Телефон лежал на сиденье рядом.

– А как вам удалось не улететь вместе с машиной?

– Я никогда не пристёгиваюсь и не блокирую двери, когда еду в горах. Давным-давно меня этому научил отец. Да и ехал я в кабриолете.

– А как же полиция?

– Жизнь дороже денег. Как я в этом убедился сейчас.

А про себя я сказал спасибо отцу за его урок.

– А вы откуда здесь?

– А мы путешествуем по Франции и Италии. Хотели из Милана полететь домой, да что-то с полётами неладно. Поедем в Швейцарию, а там видно будет.

Как сильно изменился мир. Девчонки из России путешествуют по Европе на прокатном автомобиле, а я никак не встречу тебя, моя любовь. Где мне сейчас тебя искать. Силы покинули меня. Опять судьба послала мне знак, который я не могу понять. Но я преодолею всё, я найду тебя, только ты тоже не сдавайся, прошу тебя, нам надо быть вместе, нам надо быть рядом! В гостинице я попросил портье сообщить в полицию о себе и опять потерял сознание.

ПАОЛО

Зазвонил мобильный телефон моей знакомой. Она послушала, потом протянула мне:

– Я не могу, не знаю итальянского языка – сказала она.

– Да?

– Это полиция национального парка. Этот телефон с единственным номером найден на месте автокатастрофы. Мы пока не можем достать автомобиль из обрыва и не знаем, что и как случилось, есть ли пострадавшие. Вам что-нибудь известно о владельце этого номера и можете ли подъехать к нам?

Я увидел глаза Дарьи и ответил, что мы перезвоним.

– Это полиция, там непонятная ситуация с автомобилем.

На месте аварии найден телефон. Вот они и позвонили по вашему номеру.

– А Гжесь? – прошептала она.

– Не знаю, ничего не сказали.

– А где это произошло?

– Похоже, в каком-то национальном парке.

– Гжесь говорил, что мы из Милана поедem в какую-то деревню на севере...

Я заметил, что моя знакомая дрожит, и она вот-вот потеряет сознание.

– У вас есть что-либо выпить?

– Да, если можно, принесите. Там в чемодане маленькая косметичка с таблетками. Я не могу даже подняться. Извините.

Когда я вернулся на веранду, Дарья рыдала, уткнувшись лицом в колени.

– Господи, только бы он был жив, – повторяла она без остановки.

Я вдруг понял, что в моём сне я видел что-то пророческое про Дарью и её друга, но было ли это из прошлого или будущего, мне было неизвестно. Но сказать ли это ей? Да, сказать, но только не лишать её надежды.

Я осторожно приподнял её лицо и громко сказал:

– Послушайте, он жив! Вы меня слышите? Он жив! Послушайте меня внимательно, Дарья. Я скажу вам сейчас одну вещь, которая вам покажется странной. Ваш друг музыкант, он играет на органе.

Она замерла, перестала плакать. Ладонью прикрыла рот и глазами, полными боли посмотрела на меня.

– Да, – прошептала она.

– День назад мне приснился сон про людей, мне совсем незнакомых. Это были вы и ваш друг, живые, здоровые и вместе.

Поэтому перестаньте отчаиваться и начнём действовать.

– Как?

Я позвонил Марку и попросил его связаться с полицией по тому номеру, что высветился на телефоне.

Утром мы выехали к месту аварии. Но когда машину подняли и обследовали окрестности, полицейские сообщили нам, что никого не нашли.

– Похоже, ремень был отстёгнут и его, очевидно, выбросило из машины, и кто-то подобрал или он сам ушёл по дороге. Давайте поделимся с вами – мы поедem в одну сторону, а вы в другую.

Мы проехали не одну деревню, в которых ничего не знали о незнакомых людях после аварии. Состояние моей знакомой было близко к истерике, и я решил как-то отвлечь её от мыслей, которые приносили ей только страдания.

– Дарья?

Она посмотрела на меня глазами, в которых была такая пустота, что мне стало не по себе.

– Если я снова потеряла его, мне больше никогда ничего не захочется. Когда Гжесь не появился в аэропорту, я просто решила, что у него не хватило сил, чтобы встретиться со мной и начать всё заново. Я не обиделась. Наверное, заслужила такое.

Я уже начинала жить с пустой душой много лет назад, и эта пустота никогда ничем не заполнялась, как будто бы душа простерилизовалась и всё-всё проходило мимо, не засевая, не прорастая новыми желаниями или такой любовью, которая много лет назад словно вознесла меня на необыкновенные высоты. Жила чужими радостями, а может и не жила, а просто проживала время и этим наказана сейчас. Вам пора улетать, Павел, а вы возитесь со мной.

Какие силы нужны были сейчас этой хрупкой женщине, и чем я мог помочь ей?

– Полёты возобновятся к вечеру, и я могу побыть с вами, пока не найдём вашего органиста. Расскажите, пожалуйста, где он играет, выступает ли?

– Он не выступает. Он сломал руку в юности и, переехав жить во Францию, стал органистом. Немного играет в театре, а в основном в храмах.

Вскоре нам сообщили о том, что в одной из гостиниц полиция нашла пострадавшего и, что он в плохом состоянии.

Мы доехали до гостиницы через два часа, в номере находилась медсестра, а на кровати спал он.

– Ему дали успокоительное, и он теперь проснётся утром. Всё в порядке, просто стресс и охлаждение – он всю ночь провёл на земле, – сообщила она.

Дарья опустила на пол около кровати и положила голову около неподвижной руки. Рука спящего заскользила по волосам женщины, и он вдруг вздохнул сладко и шумно, как вздыхают во сне дети, освобождаясь ночью от груза дневных впечатлений или страхов.

Мы тихо вышли из номера, и я вспомнил свой сон в горах.

Это был тот самый органист, только постаревший, и он был сейчас

гораздо счастливее, чем в те времена, о которых мне пригрезилось. Я долго ждал Дарью в баре и всё пытался разобраться в этой странной круговерти последних дней. Где здесь была реальность, и как всё это переплелось с прошлым и сегодняшним. Не дождавшись, поднялся в номер. Она сидела на полу.

– Я не могу подняться, – прошептала она, – он не отпускает мои волосы.

Я попытался разжать пальцы, но это было бесполезно.

– Может, отрежем?

– Нет, я чувствую, как ему переходит моя энергия и пока он не восстановится, он не отпустит меня.

– Ложитесь рядом с ним, я попробую его подвинуть.

В самолёте рядом со мной оказались две девушки, мы разговорились о красотах Италии, и они посетовали, что им не удалось как следует погулять в заповеднике напоследок.

– А что так?

– Пришлось спасать мужчину, пострадавшего в аварии.

– Удалось?

– Да. Сначала отпаивали, потом в гостиницу отвезли.

– В Валсаваренке?

– Угадали, – удивились соседки.

А я уже совсем ничему не удивлялся.

*И мир зовём волшебным сновиденьем
Под музыку осеннего дождя.*

ГЖЕСЬ

Мне мешал играть мой пёс. Он всегда забирался ко мне ночью в кровать и укладывался в ногах. О господи, причём тут пёс. Мы с Долли были в костёле на какой-то горе, и я играл на органе, а она сидела рядом на полу и её голова лежала на моём колене.... Что-то не так. Наконец до меня дошло, что я не сплю, что почти проснулся и вспоминаю свои сны вперемешку с явью. Я вспомнил всё. Лучше бы не просыпаться. Но нога всё равно ныла от тяжести, как если бы на ней пристроился мой Балик. Я открыл глаза и посмотрел на кровать – там, в немыслимой позе, прижавшись ко мне, спала Долли.

Я осторожно убрал руку с её головы и в руке остался клочок волос.

Ну, вот и всё, наконец. Или только начало. Что и как будет теперь с нами, зависит только от нас. И никто нам не помешает, даже горные козлы. И не горные тоже. Наверное, я произносил это вслух, ибо увидел, как заулыбалась Долли.

– Гжесик, всё так зыбко в этом мире. Нас опять чуть не развела судьба.

– Это мы сами виноваты. Вспомни, когда мы были рядом, у нас всё было прекрасно, но стоило разъехаться, как между нами росли скалы.

Я так устала, дорогой. И нам так мало отпущено времени, ты уже весь седой. Да и я не лучше.

– Ты лучше всех и даже лучше меня.

Всё неизбежное и бесконечное заморозилось вокруг нас.

– Гжесик, сумасшедший, отпусти, откуда столько силы у тебя!

– Всю ночь тебя вампирил, любовь моя. А сейчас буду возвращать тебе всё, что недодал за прошедшее.

– Дурачок, тебе нельзя, побереги себя.

– Хорошо, но только до вечера. И так каждый день

НИЦЦА

1

– Милый, ты долго будешь смотреться в эту витрину? – на моё плечо легла чья-то рука.

– О?

– Строишь на меня как на незнакомку. После вчерашнего разговора ты всё-таки принял какое-то решение?

Я стоял перед витриной магазина на незнакомой мне улице. А на меня с удивлением смотрела красивая ухоженная женщина. Абсолютно незнакомая.

– Нет, – ответил я коротко, стараясь вспомнить, что было вчера. Но это было невозможно, как невозможно вспомнить, кто я.

– Милый, хочешь что-нибудь купить?

Вот возможность оттянуть время и что-то вспомнить.

– Да, мне хочется вот те часы. Только у меня с собой нет ничего, – развёл я руками.

– Да, какой-то странный наряд на тебе, – оглядела меня незнакомка, – где ты был?

– Ой, не спрашивай.

– Ну не хочешь, как хочешь, – она похлопала меня по спине, – зайдём, сделаю тебе подарок.

– За что? – изобразил я удивление.

– За терпение.

– А что я терпел?

– Послушай, не похоже, что ты пил всю ночь и потерял память, ты выглядишь слишком свежим и отдохнувшим. Пойдём, переоденешься, нас ждут на ужин, ты не забыл?

Я ничего не забыл, потому что ничего не помнил. Помогая мне застегнуть браслет на руке, она вдруг брезгливо поморщилась.

– Что с твоими руками? Надо немедленно сделать маникюр. Где ты был и что делал?

– С рыбаками ходил в море, уронил телефон за борт, запачкал одежду, в общем, провёл ночь, полную приключений, но хорошо поспал после восхода, – вдруг вырвалось у меня.

Мне захотелось продолжить эту странную для меня игру. Долго ли я выдержу?

– Ах, вот как! – с удивлением воскликнула она, – Поэтому я не смогла дозвониться? – Хотя, – задумавшись на мгновение, добавила, – на тебя это совсем не похоже. Странно...

Она взяла меня под руку и через минуту мы вошли в отель, название которого всплыло в памяти, когда просил привезти сюда. Да, осталось вспомнить где на побережье такие отели.

– Будьте добры, пришлите в номер маникюрщицу для Мишеля, – попросила моя попутчица портье.

Уже хорошо. Мишель это я.

– Да, мадам Соррель.

Мадам Соррель это она. Тоже неплохо. Около лифта она вдруг повернула назад.

– Ты куда?

– В бар, пока ты приведёшь себя в порядок.

Да, а как я войду туда не знаю куда? Я прислонился к стене и, сделав вид что мне плохо, медленно сполз на пол, закрыв глаза.

– Мсье плохо, мадам! – крикнул кто-то.

– Да что это с тобой, – хлопала меня по щекам мадам Соррель.

Тоже хорошо, теперь я знаю, что она точно не дорожит мною. Вот и проясняются наши отношения.

– Дорогая, всё нормально только дойдём вместе до номера.
– Ты к девяти восстановишься?
– А что у нас намечено?
– Продолжаешь издеваться?
– Прости дорогая, мне не очень хорошо. Я что-то выпил у рыбаков и у меня с головой не порядок.

– Уф, только этого не хватало.

Я посмотрел на часы – до ужина с кем-то было почти два часа.

– Я в ванную, маникюр подождёт.

– Лежи в ванной, тебе и так сделают.

Хм, отличная мысль. Куда же я попал и за кого мне надо отдуваться. В номере дамских вещей много, а вот мужских маловато. Да и в ванной немного. Я залил пену и крикнул:

– Пусть заходит.

– Да, скажу, чтобы тебя нашли в ванной.

– А тебе не рановато? – решил я проявить заботу.

– Что?

Так, понятно. Промолчим. Пока не ясно, как продолжать.

– Что ты имеешь в виду? – повторила она.

– А зачем тебе в бар, посиди со мной, я расскажу как красиво и интересно в море на рассвете.

– Мы с тобой это уже проходили. И сидели под звёздным небом на палубе. И не только сидели.

– А это рыбацкая лодка, там тоже интересно.

– Что интересно? Заниматься любовью?

– Нет. Запах не тот для любви...

– Знаешь, когда действительно любишь и сходишь с ума от любви, неважно какой запах.

– Вот и нет, – решил возразить я, – это просто похоть физиологическая, хоть в навоз плюхайся. А любовь бывает там, где всё красиво.

Ответа не последовало, мадам отправилась в бар, хлопнув дверью.....

Свежая рубашка была одна. Оставим её на ужин. Так, что у нас в карманах как бы моей одежды. Странно, но пустые карманы меня не удивили. Я просто никто. Пожалуй, надо удирать отсюда. Или вспомнить, кто же я. Прошелся по комнатам номера, вышел на балкон и увидел внизу мадам Соррель, разговаривающую с девушкой в кабриолете. Та подняла голову и помачала мне рукой. Потом она что-то сказала мадам Соррель, и они засмеялись. Пойду и я в бар.

– Виски и безалкогольный коктейль с запахом ванили.

Мне принесли такой странный дуэт, и почти сразу же в баре появилась мадам Соррель.

– Не хочешь ко мне? – спросила она.

– Нет. Не буду нарушать вашу чайную церемонию своим алкоголем.

Она взяла стакан явно не с чаем и пересела ко мне.

– У тебя странный набор. Тебя это месиво не приведёт в неподобающий вид?

– Как никогда свеж и трезв. Но сейчас мы немного выпьем, и я буду объясняться тебе в любви.

– О, да ты уже хорошо приложился, раз наконец-то решился на такое.

– Милая, я всего лишь пошутил. Что нового ты узнала из беседы с очаровательной кабриолетчицей?

Мадам не ответила. А мне вдруг захотелось ощутить хоть какой-то запах! Так бывало раньше – запахи вызывали ассоциации в голове и ты вспоминал давно забытые ситуации, случаи, вещи. Взяв стакан с виски, я поднёс его к губам и решил незаметно понюхать ремешок

от часов. Так, а что мадам купила мне? Филипп Патек! Я взял руку мадам и поцеловал её, а подняв голову, увидел в её глазах слёзы. Она медленно провела рукой по лбу, словно стирая капли пота или какие-то мысли в голове. Рука тонкая и ухоженная.

– Ты так давно не играла мне, – вдруг вырвалось у меня.

– Что? Вспомнил тот единственный раз, когда при тебе сидела за роялем?

– А почему?

– Почему? Вся наша жизнь может выражена в этом «почему?» – сказала она с горечью.

– Мои или твои почемушки?

– Твои.

– А почему ты сказала «наша»?

– Ошиблась. У нас есть отдельно твоя жизнь и всё остальное, что я называю нашей жизнью.

– Прости, родная.

Её глаза округлились от удивления, и она долго, не отрываясь, смотрела на меня. И мне захотелось долго смотреть в эти вдруг погрузневшие и потемневшие глаза. Перевёл взгляд на губы, потом на волосы. А она красива, красива не броской красотой, а той, которой хочется любоваться и погружаться в неё, как в тёплое ласковое море. Видно, я сказал что-то не характерное для Мишеля, но не чувствовал напряжения от этой странной ситуации, как в первые минуты. Мне нужно время, чтобы прийти в себя, и нужно доиграть роль этого Мишеля. Но почему доиграть? Наверное, где-то в моём закрывшемся мозгу всё-таки была память обо мне другом. А пока проснулись только мои зеркальные нейроны, отвечавшие этой женщине и заставлявшие меня жить в её мире. Я не стал пить алкоголь, мне нужен был контроль над собой, и захотелось быть ведущим в этой странной игре обстоятельств. И мне нравилась эта женщина, мне очень нравилась эта женщина.

– Не похоже, что ты разыгрываешь меня. Или просто хочется в это верить, – сказала она тихо.

– Я не разыгрываю тебя. И во что ты хочешь верить?

– В твою искренность сейчас. В первый раз ты назвал меня родной.

– Мне так нравится с тобой разговаривать, – я положил свою руку на её ладонь.

– Мы разговариваем? Нет, просто обмен репликами, – она осторожно освободила свою руку и потянулась к чашке.

– Можно тебя спросить, что ты называешь чаем? Это чай у тебя?

– Вода с лимоном. Я же так всегда называю свой напиток, – она усмехнулась, – не надо обольщаться.

– Что?

– Это я себе. Ты вчера вечером уходил с Андреасом. Вы обсуждали тот вопрос?

– А что так беспокоит тебя? Он мне очень важен? – я понятия не имел, о чём говорила мадам. Фразы сами рождались в голове, и я надеялся поймать суть её мыслей и сделать правильный выбор в своих ответах.

– Ну не делай вид, что тебе сегодня не интересно то, что так занимало вчера.

Я промолчал. Надо было искать какой-то предлог, чтобы выйти из этой темы, но как...

– Ты всегда любил рассчитывать на несколько ходов вперёд. И женился не на мне, а на моих деньгах.

И мне показалось, что эти слова она говорит в первый раз их совместной жизни с Мишелем, т.е. со мной.

– А я был беден?

– Ты же не станешь отрицать, что твои акции пошли вверх после нашей свадьбы.

– Мои акции? – изобразил я удивление, – я лично стою только то, что на мне, да ещё чуть-чуть, если органы продать.

– Не блефуй. Что там вчера у вас произошло? Ты ловко всё провернул с документами. Как наши юристы тебя проморгали – не знаю. Но всё было очень правильно с твоей стороны. Вчера, когда мы всё это разбирали, ты вертелся как уж, и почти вывернулся, если бы не Андреас.

– И сегодня у нас окончательный развод? В 9 вечера?

– Ты что? Кто ж тебе позволит?

– Значит, ждём, когда решение найдётся и разбежимся? В 10 вечера тебя устроит?

Она посмотрела на меня так, как будто окончательно прощалась с ещё недавно тлеющей надеждой на то, во что верила.

– Вот ты и вернулся в себя, – тихо сказала она, имени которой я даже не знал, но она всё знала про меня, – видимо, ты исчез на ночь, чтобы хорошо подготовиться и сделать мне очередной сюрприз. И что же будет в 10 часов? Кто на этот раз сделает тебя победителем и какую пакость ты снова провернул? Она поднялась. Я удержал её за руку:

– Постой, нам надо договорить. Пойдём к нам.

– Пойдём, – ответила она через силу.

Я не знал, что буду говорить этой женщине, когда мы войдём в номер. Мне не хотелось с ней расставаться, но и продолжать эту странную игру мне уже не хотелось – здесь всё было как-то очень серьёзно. А я не знал ничего и ничего не мог вспомнить. Моё сознание было как чистый лист бумаги, и я понимал только одно – эта женщина моё спасение до тех пор, пока ко мне вернётся память. Мы вошли в номер, и я подошёл к зеркалу. Глаза, уши и нос, волосы. Всё нормально и даже красиво. Но кто я?

– Задаёшь себе вопрос, кто ты? – спросила она.

Я похолодел. Она читает мысли?

– Ты хамелеон, – продолжила она, – я никогда не знаю, что ты будешь делать, и каким ты будешь через мгновение.

– Ты неправ. Я просто никто. Пустое место. Ноль. Вакуум.

– О! Таким ты никогда не был.

– Давай оставим всё это.

– Это что?

– Слова. И всю остальную чушь. Иди ко мне.

– Нет.

Я подошёл и обнял её, такую напряжённую и заледеневшую. Я не помнил таких женщин в своих объятиях. Что же ты натворил, Мишель?

– Ты тоже хамелеон. Ты в какое-то мгновение любишь меня, а потом становишься далёкой и чужой. Я так больше не хочу, мне не нужен этот лёд. Давай забудем на мгновение всё.

Она вдруг стала тяжёлой, и я понял, что она просто повисла на моих руках.

– Что с тобой, моя родная?

– И я бы хотела забыть всё. Но в отличие от тебя – навсегда.

– Послушай, но навсегда у меня не хватит сил.

– На что не хватит сил?

– Да любить тебя 24 часа в сутки! Забыть всё и навсегда можно только в одном случае – заняться любовью и всё забыть. Навсегда! Какая там ещё встреча с кем – то! Я ничего не хочу!

С этими словами во мне вдруг прорвалась какая-то плотина, удерживающая напряжение, таившееся в глубине тела и сознания. Но сознание не могло долго играть в эту игру – я понял, что сейчас сойду с ума. Если уже не сошёл. Кто ты, Мишель? Она попыталась высвободиться из моих рук.

– Ты очень странный сегодня. Я совсем не узнаю тебя.

– Не уходи от меня. Давай просто забудем на полчаса весь мир и останемся вдвоём.

Она вдруг потянула меня в спальню, на ходу снимая с себя одежду:

– Давай! Жизнь будет другой или не будет другой, а пока я хочу тебя, может быть в последний раз.

Прикасаясь к бархатному телу, чувствовал, как под моими руками напрягаются мышцы и тут же губами старался расслабить их. Я понял, что ей, как и мне, сейчас нужна эта тихая нежность.

– Как же ты хороша сегодня, – вдруг вырвалось у меня.

Она вдруг затихла и сжалась в моих руках.

– Не бойся, девочка моя, всё будет, как ты хочешь. Но давай не будем терзать друг друга. У нас впереди много прекрасных и долгих мгновений. И я буду любить тебя, так как ты захочешь.

– А почему ты ни разу не назвал меня по имени?

– А я не знаю, какое моё обращение к тебе понравилось бы, – с трудом вывернулся я.

– Мне всегда нравилось моё полное имя.

– Нет, можно просто любимая.

– И при всех тоже я буду любимая?

– Не хочешь?

– Народ посмеётся.

– Давай помолчим.

Она лежала и смотрела на окно, которое мы не успели завесить, и в него светило такое наглое и яркое солнце.

– Какой же пошлый этот отель. Как ужасен этот стиль, – вдруг вырвалось у меня. Она перевела на меня удивлённый взгляд. Я ждал какой-то реплики, но она промолчала.

– У тебя за ухом такая очаровательная родинка. Давай мы поменяем причёску, чтобы её было видно, – я собрал её волосы в узел, – господи, да ты сразу помолодела на сто лет. Девчонка!

Она продолжала смотреть на меня, и где-то в глубине её глаз я заметил удивлённую радость. Потом взгляд её потускнел, и она вновь перевела его на окно. Я перевернулся на живот и вдруг по моей спине заскользили нежные ладони женщины.

– Не надо, – вырвалось у меня.

– Тебе не нравится? Ты раньше с ума сходил от этого.

– Я действительно сойду с ума сейчас, неужели ты...

– Кто ты? – тихо спросила она.

– Я – это ты. Наверное. Давай уедем отсюда, на меня это как-то давит. Не могу больше тут быть.

– Ты же мечтал ощутить себя здесь победителем.

– Как тот Наполеон, что где-то тут болтается на стене?

– Не расстраивайся. В этот раз ты проиграл, – засмеялась она.

– А знаешь, я больше ничего не хочу – ни побеждать, ни проигрывать. Поскольку я ничто и никто, то и ничего не хочу.

Я поднялся и начал одеваться.

– Можно я и тебя одену?

– О, нет! Выйди. Я сама, ты же знаешь, что не люблю, когда на меня смотрят в этот момент.

– А мне так захотелось быть с тобой нежным и заботливым.

– Не время, дорогой.

– Я такой же недоумок, как тот, что висит на стене?

– Кто он и где висит он?

– Он – это Наполеон и висит он гобеленовый. Ты что, ни разу не обращала внимание?

– А мы проходили мимо него?

– Вот только что.

Она внимательно смотрела на меня и мне показалось, что у неё то ли в глазах, то ли в уголках губ затаилась усмешка.

– Давно ли ты причислил себя к талантливым недоумкам, как ты высказался?

Зазвонил телефон.

– Ответь, – сказала она, – мне не хочется вставать голой.

– Я могу принести.

– Говори сам.

Вот переплет – что мне говорить и как.

– Да?

– О, это ты? – спросил мужской голос.

– А что, это странно?

– Не то чтобы странно, но неожиданно. А где Анна?

– Не хочет вставать.

– Передай ей телефон или скажи, что сегодня все отменяется по причине болезни Штанмайера. Мне только что сообщил его врач, что дела у него не очень радужные и ему отменили все встречи на ближайшие дни.

– Постой, передаю телефон, – я отдал телефон и испытал огромное облегчение от того, что не будет встречи и разговоров. Наверное, на моём лице отразилась радость, ибо она, выслушав сообщение, посмотрела на меня как-то брезгливо. И я понял, что она опять увидела того Мишеля, кто причинял ей страдания.

А я просто обрадовался тому, что мне не надо будет разгадывать ребусы и догадываться, кому и что я должен сказать и кто это будет ужинать вместе с нами. Господи, что же мне делать... Я смотрел на неё, сидевшую на кровати и пытающуюся скрыть слёзы в глазах и натягивающую простыню на голое тело, словно это могло защитить ее.

– Почему ты боишься меня?..

– Ты просто страшный человек, Мишель. Ты прекрасно знаешь, как я любила тебя...

– Любила? Да ты и сейчас любишь меня. Не надо скрывать это от себя...

– Нет, мой милый, все это прошло... Но иногда просто вспоминается, как я верила тебе и жила, наслаждаясь тем счастьем, которое сама нафантазировала. Я изменилась. А вот ты всегда остаешься самим собой. Хотя иногда ты пытаешься показаться другим, как это было некоторое время назад.

– А я действительно другой. И мне совсем не хочется сегодня ни с кем ужинать, и видеть я не хочу никого, кроме тебя и давай начнём наш процесс расставания с того, что я отдам тебе все, кроме своей любви к тебе, это останется мне – и я буду вспоминать, как гладил твои руки и целовал твои колени, как это было несколько минут назад. Ты увидела радость на моём лице и решила, что я опять что-то выиграл в своих проделках?

Говоря все это, я не контролировал поток слов, они рождались сами, как рождалось все то, что давало мне возможность существовать в это время в этом месте, где я не знаю, был ли я, и кем я был.

– Ты опять несешь какой-то бред, ибо прекрасно знаешь, что никогда не разведешься со мной. Зачем пустые слова?

Мною вдруг овладело такое жуткое состояние и тоска от того, что я совсем один в этом мире, один без мыслей и памяти о прошлом, и у меня нет будущего, нет ничего, кроме этой женщины, для которой я что-то значил, для которой я был в прошлом и есть в настоящем, и для которой я буду в будущем... Она это я... Я это она... Мишель Анна... Анна Мишель...

Наверное, на моём лице она увидела такое, что ее очень удивило и в глазах вдруг вспыхнула какая – то радость, и они посветлели... Как интересно менялся цвет ее глаз, нет даже не цвет, он оставался таким же зелено-голубым, просто в одно мгновение они вдруг были как

светло-зеленое море у берега и потом становились тёмно-синими как море вдали от берега. Что ты же ты делаешь со мной, Анна. Я не знал и не знаю тебя, но во мне росла и увеличивалась, давила и не давала мне дышать такая нежность к тебе... Я вдруг услышал самого себя и понял, что произношу эти слова вслух. Эх, если бы у меня была возможность куда-то уйти, я просто закрыл бы за собой дверь...

– Послушай, ты в порядке? – спросила она.

– Нет, со мной все не так просто, потому что я ..., – нам не дали договорить раздался стук в дверь.

– Ты откроешь? – спросила она.

– Не хочется никого видеть, – ответил я, направляясь к двери.

Это был официант со столиком.

– Мы что – то заказывали в номер? – спросил я.

– Я ничего.

– Просто нам сообщили, что ваш ужин отменяется и переадресовали на номер ужин на двоих, – сообщил официант.

Я закатил столик в номер и поднял крышку – божественный запах.

– Как ты думаешь, кто такой заботливый? Очень вкусно пахнет.

Анна молчала.

– Где будем ужинать, мадам? На балконе?

Она вышла уже одетая, подошла к столу, окинула его взглядом и сказала:

– Я бы поужинала в другом месте, если ты не возражаешь. Можешь составить мне компанию, если пожелаешь.

– Я тоже, – ответил я.

– Давай поедem куда—нибудь, и ты закажешь.

– А почему я?

– У тебя нюх на хорошую еду в любом месте. Всегда поражалась твоей способности выбрать то, что надо. Я вызову такси или внизу посмотрим?

– Я весь в твоём распоряжении – вези куда хочешь, а я закажу, что понравится.

Мы поехали куда – то за город. Я не слушал, что говорила Анна водителю, она и мне пыталась что – то сказать, взяв за руку. Но мною овладело безразличие, жуткое до холода и дрожи коленок.

– А что с тобой – у тебя абсолютно ледяные руки как ..., – она замолчала.

– Ты хочешь сказать как у покойника...

– Нет, просто вспомнила как в детстве после игры в снежки. Мы с Андреасом любили играть, пока нас мама не звала в дом, где было тепло, где нас любили и все решали за нас. Ах, как хорошо там было.

– Там это где?

– В детстве, – не сразу ответила она.

Боже, а где моё детство? Кто моя мама? Мы выехали за город, дорога запетляла в горах и у меня вдруг вырвалось:

– Не хочу жить.

Я сидел, сжав голову, и повторял эти слова снова и снова, словно надеясь, что умерев, я заново воскресну в этой жизни собой прежним.

– Ты сошёл с ума...

Я посмотрел на Анну, замершую рядом, увидел ее глаза.

– Слушай, как интересно – у тебя глаза живут также как море. Они меняют цвет.

– Ты просто сошёл с ума...

– Нет. У меня там пусто. Не из чего сходить.

Она провела рукой по моей голове.

– Как давно ты не гладила по голове и не смотрела так внимательно. Почти с любовью. Произнеся эту фразу, я вдруг понял, что она из жизни Мишеля.

Значит, я всё-таки Мишель? Что же во мне переплелось? Пустая голова давила на меня как тонны песка, у меня стали болеть спина, плечи от напряжения, в котором я провёл эти часы. Помню день сегодняшней и ничего не знаю о своём прошлом. Попросив остановить машину, я вышел и остановился на краю обрыва.

– Уезжай, Анна, мне надо побыть одному.

– Бросить тебя здесь, без телефона? Знаешь, что бы между нами ни было, я не способна на такое. И потом, ты уже был один где-то всю ночь, и вернулся очень странным из этого одиночества.

– Один? Я же говорил, что был с рыбаками.

– Какие рыбаки, мой милый? Где ты нашёл их? Не сочиняй. Я спрошу у Андреаса, где вы бродяжничали.

– Спроси, – сказал я, надеясь, что хоть что-то прояснится для меня.

Она достала телефон, но никто не отвечал на звонок. Анна набрала другой номер.

– Женни, ты с Андреасом? Мне он не отвечает на звонки. Нет, вчера вечером. Мишель со мной. Мы решили выехать за город поужинать.

Я смотрел на неё и думал о том, что мои слова не очень напугали её, и она осталась спокойной и равнодушной. Или мне показалось?

Анна отошла в сторону, продолжая разговаривать, а я пошёл вдоль дороги. И куда меня несли ноги? Начинало темнеть и в наступающих сумерках несмело запели цикады. Потом, когда станет прохладнее, они осмелеют, соберутся с силами, объединят свои хоры и заполнят лес звуками, нам не подвластными. Мы никогда не сможем создать такой звуковой ряд ни сами, ни на музыкальных инструментах. И шум листвы на деревьях, и шуршание упавших листьев под ногами, звуки прибоя – мы ничего не сможем. Каким языком разговаривает с нами природа, как научиться его понимать?

Мне вдруг захотелось увидеть свою тень, словно это позволило бы убедиться, что я не призрак. Но солнце осталось наверху, а тут постепенно наступали сумерки. «Не полагайтесь очень сильно на кого-нибудь в этом мире, ибо даже ваша собственная тень покидает вас в темноте.» Кто-то совсем недавно сказал мне это, или прочитал сам. И вспомнил сегодня, и обрадовался тому, что вспомнил. В какие игры ты играешь со мной, мой разум? Такси остановилось впереди меня.

– Ты пешком собрался идти до ресторана?

– Я не знаю где он, я просто иду, куда ведёт дорога.

– Садись, я очень голодна.

– Я тоже, – ответил я, не ощущая чувства голода.

Мы сидели в обычном деревенском ресторане. И еда была вполне обычной и вкусной. Моих изысканий в меню не потребовалось, ибо всё было очень просто и немного. Я смотрел на женщину, сидевшую напротив меня, мне нравилось, как она ест и пьёт вино.

Она пыталась задавать мне какие-то вопросы, но они не оставляли во мне никакого отклика. Я молчал в ответ. Замолчала и она. А мне стало всё безразлично – моя жизнь, эта женщина, эта еда. И был ли я вообще... Что делать дальше? Она единственная ниточка к моему прошлому. Я встал из-за стола:

– Прогуляюсь, а потом покурю под деревом.

– Покуришь? Ты начнёшь задыхаться, а у меня нет с собой ингалятора. Кто в этой деревне тебя спасёт? Послушай, Мишель, на этот раз ты проиграл. Но это не повод сводить концы с жизнью. Сидишь такой странный и не слышишь, что я тебе говорю. Зачем это всё?

О, какие новости про меня. А про меня ли? Ужас стал потихоньку овладевать мною. Эта женщина – единственная связь с миром вокруг.

– Спасибо, я забыл. Что-то мне не по себе. Не могли бы мы поехать домой, но не в гостиницу.

Она удивлённо посмотрела на меня:

– Ты же сам затеял там перестройку, поэтому мы и переехали на лето в Ниццу.

– А почему в гостиницу?

– Это ты мне задаёшь вопросы? Твоё желание купить её и посмотреть всё изнутри.

– Я не хочу туда. Придумай что-нибудь. У нас что – только одно жилище?

– Имеешь в виду шале в горах? Ты же ненавидишь тот дом.

– Всё равно, только не гостиница. Поехали скорей домой.

– Слушай, ты ни разу не вспомнил про свой телефон. Тебе всё стало безразлично?

– Если бы я был кому-то нужен – позвонили бы тебе.

– Ну, едва ли. Ты же ограничил уже давно тот круг твоих интересов, куда я допущена.

– Позвони нашим, пусть восстановят телефон.

– Нашим? – она посмотрела на меня с удивлением.

– Ну а кому же?

– А наши это кто?

Вот и замыкается круг. Мои попытки быть Мишелем скоро откроются и кем я стану? Жуткая перспектива. Меня затрясло от страха. Видно дрожь была такой явной, что Анна испуганно схватила меня за руку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.